

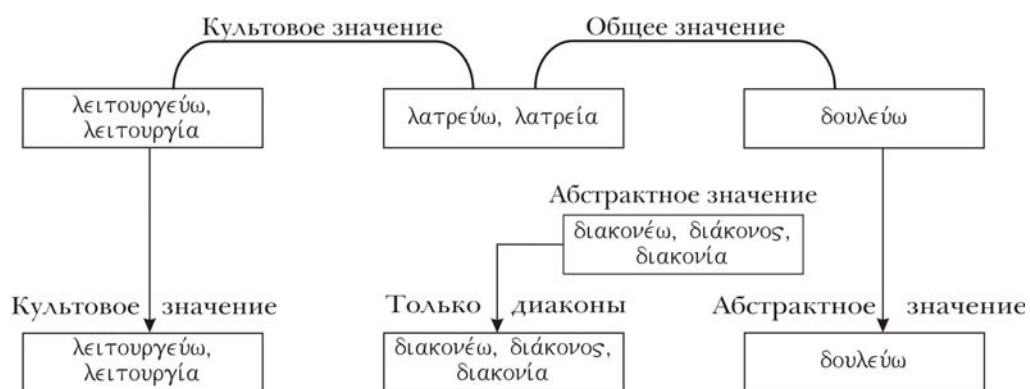

**ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
И ИСТОРИОГРАФИЯ
АНТИЧНОСТИ**

КРАСНОБАЕВА Ю.Е. (МОСКВА)

«СЛУЖЕНИЕ» В ПОСТАНОВЛЕНИЯХ АПОСТОЛЬСКИХ

Кратко изложить эволюцию лексики термина «служение» от Септуагинты до новозаветной традиции можно в виде следующей упрощенной схемы, где в первой строчке отражена основная терминология Септуагинты, во второй – ключевое понятие абстрактного духовного служения в Новом Завете, а в третьей – эволюция понятия служения в ранней христианской литературе (преимущественно на примере Писаний Апостольских мужей и Дидахе).

Постановления Апостольские

Это крупный составной текст, представляющий собой сборник церковных установлений и правил для клириков и мирян. Свое составление сборник приписывает Клименту, епископу Римскому, который передает созданные самими Апостолами правила. Временем составления текста обычно считают IV в.¹ (точнее 380 г.), а местом составления – Антиохию². М.Э. Поснов относит составление памятника к концу IV – началу V вв. и полагает, что он был составлен в Сирии³.

Постановления Апостольские включают восемь книг: «О мирянах», «О епископах, пресвитерах и диаконах», «О вдовицах», «О сиротах», «О мучениках», «О расколах», «Об образе жизни, благода-

¹ Все даты в этой статье – н.э.

² См.: *Постановления Апостольские*. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2009. С. 2.

³ *Поснов М.Э.* История Христианской Церкви (до разделения Церквей, 1054). М., 2005. С. 347.

рении и посвящении христианском», «О дарованиях, рукоположениях и канонах церковных». М.Э. Поснов делит источник на три части: шесть книг – расширенная Дидакалия Апостольская, первое собрание нравственных предписаний и правовых норм, возникшее во второй половине III в. в Сирии и переработанное позже, в V в. Ко второй части исследователь относит седьмую книгу, которая представляет собой расширенный вариант Дидахе и фрагменты других ранних христианских текстов. Вторая часть содержит различные молитвенные формулы, указания относительно постановления в катехуменат и преподания крещения⁴. Третья часть – восьмая книга – распадается на три отдела: о харисмах, о посвящениях и о канонах.

То, что памятник содержит тексты различных временных пластов, представляющих собою «наслоение известий и сведений, относящихся ко II, III, IV и началу V в.», отмечал А.П. Лебедев⁵. И действительно, условная «Первая» и половина «Второй» части сборника, восходящие к Дидахе, Дидакалии и другим ранним христианским текстам, в т.ч. к Новому Завету, содержат сведения, относящиеся к наиболее ранним временам христианства, в частности, они содержат сведения о ранних иерархических церковных институтах, некоторые из которых не перешли за грань III в. К их числу относится, например, институт диаконисс.

Анализ лексики служения в Постановлениях Апостольских затруднен тем обстоятельством, что данный памятник, несомненно, является составным, и довольно сложно определить, когда слова *διακονία*, *διάκονος*, *διακονέω* в общем значении суть рецидивы первоначального значения, а когда они используются в качестве лексических единиц первоисточника.

Термины *διακονία*, *διάκονος*, *διακονέω*

В словоупотреблении *διακονία*, *διάκονος*, *διακονέω* в тех немногих случаях, когда оно не относится к диаконскому служению, можно выделить следующие значения:

1. Прямое значение. Пост. Апост. I.8: «...Бойся, жена, мужа своего и страшись его, старайся нравиться ему одному и быть благо-

⁴ Поснов М.Э. Указ. соч. С. 346–347.

⁵ Лебедев А.П. Духовенство Древней Вселенской Церкви. От времен Апостольских до X века. СПб., 2003. С. 14.

угодно ему служениями своими (ἐν ταῖς διακονίαις αὐτοῦ)». В Пост. Апост. VII.31.5 присутствует также прямое значение в цитате из Нового Завета (Лк. 12:36, 37).

2. Цитирование Нового Завета. Пост Апост. III.19.3 содержит цитату из Мф. 20:3: «Всякому царству и начальству повинуйтесь в том, что угодно Богу, как служителям Божиим (θεοῦ διάκονοις) и наказателям нечестивых»⁶.

3. Новозаветное словоупотребление. В Пост. Апост. II.14.8 речь идет об апостольстве Иуды, «который получил одинаковый с нами (апостолами – Ю.К.) жребий служения». Это словоупотребление тесно соприкасается с Деян. 1:17: «Он был сопричастен к нам и получил жребий служения (διακονίας) сего». Перекликающимся с новозаветным словоупотреблением нам кажется, встречающееся в Пост. Апост. II.58.4 и напоминающее новозаветный эпизод поставления семи, словосочетание διακονία τοῦ λόγου, которое в Апостольских Постановлениях относится к епископам: «...Не оставяй служения слова (τὴν διακονίαν τοῦ λόγου) по лицепритию...». Сюда примыкает и Пост. Апост. II.26.4: «Епископ – служитель слова» (λόγου διάκονος). В Пост. Апост. III.19.2. речь идет о диаконах и диакониссах, но здесь можно усмотреть и следы общего словоупотребления: «Каждый пусть знает собственное место и проходит его усердно, единомудренно, единомудренно, зная о награде за служение (γυγιώσκειτε τὸν τῆς διακονίας μισθόν)». Это место имеет аналогии в Новом Завете: «Ибо хорошо служившие (οἱ καλῶς διακονήσαντες) приготавливают себе высшую степень и великое дерзновение в вере во Христа» (1Тим.3:8-13). Наконец, в Пост. Апост. V.1.3 фиксируется новозаветное значение «служение святым»: «Поэтому все верующие служите святым (διακονήσατε τοῖς ἁγίοις)... Кто живет в изобилии, тот еще более пусть служит им (διακονεῖτω αὐτοῖς) соразмерно с силою своею»⁷.

4. Служение епископа. Пост. Апост. VIII.5.5: «...Иже служит (ἔπερ διακονεῖται) возлюбленным Отроком Твоим Иисус Христом» (произносимое епископом при поставлении епископа).

5. В остальных случаях словоупотребление невероятно любопытно. Оно не применяется к диаконам, но зато имеет отношение к людям, занимающимся *благотворительной деятельностью*, и *службе-*

⁶ Ср.: 1 Петр. 2:13,14; Рим. 13:1,4; Тит. 3:1.

⁷ Ср. 1 Кор. 16:15; 2 Кор. 8:4.

нием, помощью различным категориям нуждающихся (вдовам, сиротам). Именно это в тексте Постановлений Апостольских и называется диаконией. Пост. Апост. III.8.2: «Ибо как узнает вдовица, какова та, от которой принимает она или от какого служения (διακοίᾱς) предлагает она пищу, не от хищения ли или другого какого нехорошего приобретения?» Текст молитвы в Пост. Апост. III.13: «Благослови, Господи, и прослави послужившего (τὸν διακοιῆσαντα) ей (совдовице – Ю.К.)», и далее: «Подобным образом пусть молится и вдовица, получившая милость за сотворившего ей служение (τῷ δίδουτι αὐτῷ τῇ διακοίᾱ)». Пост. Апост. III.14.2: «Но вдовицы, не желающие жить по заповеди Божией, стараются выведать, кто послужившая (ἡ διακοιῆσαμένη) и кто принявшая, а узнав это, упрекают послужившую (τῇ διακοιῆσαμένη)... Должна помышлять, Кто постановил так, и, молча и не упрекая послужившую (τὴν διακοιῆσαντα), вошед в дом свой и падши на лице свое, стала молить Бога, чтобы простил ей прегрешение».

Служение усыновляющих сирот также называется *диаконией*: «...Поступающие так совершают великое дело, становясь отцами сирот, и получают за такое служение (τῆς διακοίᾱς) награду от Господа Бога...» (Пост. Апост. IV.1.1).

Через слово *диакония* передается вообще служение нуждающимся: «Ибо, если Господь неба и земли все претерпел ради нас, то как усомнитесь послужить нуждающимся вы (πῶς ἂν ὑμεῖς διακοιῆσαι τοῖς δεομένοις ἐνδοιάσητε), обязанные быть подражателями Его, потерпевшего за нас и рабство, и скудость, и биения, и крест?» (Пост. Апост. III.19.4.).

Во всех остальных случаях слова *διακοίᾱ*, *διάκοινος*, *διακοπέω* используются применительно к диаконам как технический термин.

Термины λειτουργία, λειτουργεῖω

В употреблении этой терминологии можно выделить следующие значения:

1. Ветхозаветный мотив, который подразумевает ветхозаветное культовое служение. Пост. Апост. II.25.5: «...Ешьте от Церкви, как ели левиты, служившие скинии свидения (οἱ λειτουργοῦντες τῇ σκηνῇ τοῦ μαρτυρίου)». Пост. Апост. II.25.6: «...обязанностью его было служение в скинии (λειτουργία τῆς σκηνῆς)». Пост. Апост. VIII.46.5: «Моисей, служитель Божий (ὁ τοῦ θεοῦ θεράπων), ...когда постановил божественное законоположение, то разграничил, что

должно быть совершаемо первосвященником, что священниками, что левитами, каждому назначив собственную и приличную его служению службу (τῇ λειτουργίᾳ θρηακείαν)».

2. «Служебные духи». Пост. Апост. VIII.4.5: «...В присутствии ...и Святого Духа, и всех святых, и служебных духов (καὶ λειτουργικῶν πνευμάτων) засвидетельствуют, что он (епископ – Ю.К.) таков...». Надо отметить, что похожее наименование Ангелов – «служебные духи», τὰ λειτουργικὰ πνεύματα – имеется и в Новом Завете (Евр. 1:7, Евр. 1:14).

3. Начальники – служители Божии. Пост. Апост. VII.16.1: «Царя бойся, зная, что избрание Господне. Начальников его чти, как служителей Божиих (λειτουργοὺς θεοῦ), ибо они возместители всякой неправды. Оброк, пошлину и всякий взнос уплачивайте им благонамеренно». Возможно, что здесь можно усмотреть некую реминисценцию старого светского значения – сбора пошлины, налога – совмещенного в виде игры слов с религиозным значением.

4. Вообще служение в Церкви. Пост. Апост. II.63.1: «А вы, юноши Церкви, старайтесь служить (λειτουργεῖν) во всех нуждах (ἐν πάσαις ταῖς χρείαις) нелениво, занимайтесь делами своими со всею честностию, чтобы во всю жизнь свою довольствоваться и самих себя и бедствующих, дабы не обременять собою Церкви Божией».

5. По аналогии с ветхозаветным культовым служением, с развитием собственного христианского культового богослужения (литургии в известном нам смысле), все чаще и активнее используются слова λειτουργία, λειτουργεῖω для обозначения культового служения епископов. Пост. Апост. II.25.7: «Епископы, будьте народу вашему святыми левитами, служащими святой скинии (οἱ λειτουργοῦντες τῇ ἱερᾷ σκηνῇ), ... если хорошо будете служить святой скинии (καλῶς λειτουργήσασιν τῇ σκηνῇ τῇ ἁγία)».

6. Отметим отдельно места, где употребление слов λειτουργία, λειτουργεῖω по отношению к культовому служению в рамках христианской Церкви остается вне всякой аналогии с Ветхим Заветом. Пост. Апост. VIII.4.5: «...Дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово, да будут спрошены, воистину ли достоин он (епископ – Ю.К.) священнослужения (εἰ ἀξιός ἐστιν ἀληθῶς τῆς λειτουργίας)». Пост. Апост. VIII.5.4: «...Иже святилище Твое неслужебно (ἀλειτουργητόν) не оставивый». Пост. Апост. VIII.5.6: «...Его же избрал еси в епископа, пасти святое Твое стадо и архирействовати Тебе, непорочно священнослужаща в нощи и во дни

(λειτουργοῦντα νυκτὸς καὶ ἡμέρας)». Пост. Апост. III.13: «Благослови, Господи, ...епископа моего, добре послужившего (λειτουργήσαντα) Тебе». В Пост. Апост. VIII.17.18. причастие λειτουργήσαντα обозначает культовое служение диаконов: «Сподоби его, благоугодно служаща врученное ему служение (εὐαρέατως λειτουργήσαν ταυτὴν ἐγχειρισθεῖσαν αὐτῷ διακονίαν)».

Нужно отметить, что, по-видимому, именно последнее техническое значение закрепляется в дальнейшем за этой лексикой. Например, у Евсевия Памфила в его «Церковной истории» словами λειτουργία, λειτουργεῖω постоянно обозначается служение епископов: III.13, III.34, IV.5.1 (88), IV.6.4 (2), IV.10, IV.11.6 (34) и др.

Термины λατρεύω, λατρεία

1. Слово λατρεία сравнительно часто встречается в композите «идолослужение» (ἰδωλολατρεία) и «служить идолам» (ἰδωλολατρεύω). Пост. Апост. I.6: «Закон есь то, что изрек Господь Бог, прежде чем народ еврейский впал в идолослужение (ἰδωλολατρῆσαι). Пост. Апост. V.12.4: «Видите, возлюбленные, что изрекает Господь против идолослужителей (τῶν ἰδωλολατρῶν)». Пост. Апост. VII.6.1: «Не занимайся чарованием, ибо оно ведет к идолослужению (ἰδωλολατρείαν)». Пост. Апост. VII.18.1: «А путь смерти усматривается в действиях злых. На нем неверие Бога и ведение многих зол, ...а отсюда убийства ...идолослужения (ἰδωλολατρείαι)...». Интересно заметить, что этот композит оказался настолько устойчивым, что через латинскую транслитерацию *idololatria* перешел в современные языки, заимствовавшие его из латыни – фр. *idolâtrie*, исп. *idolatria*, *idolatrismo*, ит. *idolatria*, англ. *idolatry*.

2. Употребление терминов λατρεύω, λατρεία в ветхозаветных мотивах. В Пост. Апост. II.22.16, где речь идет о Манассии: «...Есть Бог един, и послужи единому Господу Богу (ἐλάτρευσεν μόνῳ κυρίῳ τῷ θεῷ)». Пост. Апост. VIII.12.23: «...Иже Мелхиседека в архиерея службы (λατρείας) избравый».

3. Обозначение иудейского культа. Пост. Апост. VI.24.3: «Они (иудеи – Ю.К.) невольно прорекли, ибо во Христа уверовали язычники, а они лишены римлянами власти и служения по закону (τῆς νομικῆς λατρείας)».

4. Обращает на себя внимание употребление названных терминов по отношению к культу языческому, а также ко всяческому

нечестивому культовому служению или деянию, которое является угодным злу. Пост. Апост. II.60.2: «...Язычники каждодневно, встав ото сна своего, бегут к идолам служить им (λατρεύειν αὐτοῖς)». Пост. Апост. II.28.8: «Чтут ...несвященника и уважают имя его из чести к бездушным истуканам и служения злым духам (εἰς λατρείαν τῶν ποιηρῶν πνευμάτων)». Пост. Апост. V.12.1: «Законополагая и о светилах, они (Писания – Ю.К.) убеждают, чтобы не клялись ими и не служили им (ταῦτα τήτε μὴν λατρεύειν αὐτοῖς)».

5. Интересно отметить употребление этого слова для обозначения культового христианского служения, т.е. использование его как синонима существительного λειτουργία. Пост. Апост. VIII.15.4: «...Иереи в службе Твоей сохрани непорочны (ἱερεῖς ἀμώμους διαφύλαξον ἐν τῇ λατρείᾳ σου)». В Пост. Апост. VIII.15.11 речь идет о богослужбных культовых обязанностях церковных служителей: «Сие постановили мы, Апостолы, о таинственной службе (περὶ τῆς μυστικῆς λατρείας) вам, епископам, пресвитерам и диаконам». В Пост. Апост. II.26.4 встречаются вместе два термина, которые ярко характеризуют две стороны епископского служения – служение слова и культовое служение: «Епископ – служитель слова (λόγου διάκονος), страж ведения, посредник между Богом и вами в службах Его (πρὸς αὐτὸν λατρείας)». В Пост. Апост. VI.23.5 речь идет о христианском богослужении в сравнении с иудейским: «Омовение, жертву, священство и богослужение местное (τὴν τοπικὴν λατρείαν) Он преобразовал: ...вместо одного колена, повелел избирать в священство наилучших из всякого народа; ...вместо богослужения местного (ἀντὶ δε τοπικῆς λατρείας) повелел и признал справедливым прославлять Его от востока до запада...». Пост. Апост. III.7.4: «Такая вдовица, подвизавшись в стяжании денег, вместо Бога служит мамоне (λατρεύει τῷ μαμωνᾷ), рабствует корысти (δουλεύει τῷ κέρδει), но быть благоугодно Богу и послушною служениям (ταῖς λατρείαις) Его не может».

Термины δουλεύω, σύνδουλος

Следует отметить сильное сокращение в использовании глагола δουλεύω по сравнению с Писаниями Апостольских мужей, где он активно употреблялся для обозначения служения в общем смысле. В Постановлениях Апостольских он остается либо в прямом значении, как в Пост. Апост. III.19.1, VI.29.1, IV.5.2, либо в контекстах и

цитатах из Ветхого (Пост. Апост. III.19.5, II.22.17) и Нового (Пост. Апост. III.19.4, VII.29.1) Заветов.

Усмотреть общее значение можно лишь в немногочисленных местах. Пост. Апост. III.19.4: «И вот, должно и вам служить братьям, как подражатели Христа (δουλεύειν τοῖς ἀδελφοῖς ὡς Χριστοῦ μιμητάς)». Пост. Апост. V.10: «Убеждаем же вас, братия и сослужители (σύνδουλοι), бегать пустословия, сквернословия». Сюда примыкает и употребление в словосочетании «рабствовать корысти» (δουλεύει τῷ κέρδει) в уже цитировавшемся выше Пост. Апост. III.7.4.

Термины ὑπέρτης, ὑπηρετέω, ἐξυπηρετέω

1. Служителями (ὑπέρτης) называется церковная должность, стоящая ниже диаконской. Имеются в виду некие помощники-служители при храме. Пост. Апост. III.11: «Не позволяем крестить и прочим клирикам, как-то: чтецам, или певцам, или привратникам, или служителям (ὑπέρταις)... Не позволяем ...пресвитерам рукополагать ...служителей (ὑπέρτας)». Пост. Апост. VIII.10.9: «О всем во Христе диаконстве и служении помолимся (διακονίας καὶ ὑπηρεσίας)». Пост. Апост. VI.17.2: «Повелеваем также, чтобы однобрачные были и служители (ὑπέρτας), и певцы, и чтецы».

2. Значительно чаще этими терминами обозначается служение диаконов, когда они предстают как помощники епископов, либо служение диаконисс и иподиаконов в качестве помощников диаконов или пресвитеров. Пост. Апост. VIII.28.4–8: «Диаконисса не благословляет и ничего не совершает из того, что делают пресвитеры или диаконы. Она стережет двери и служит (ἐξυπηρετεῖται) пресвитерам при крещении женщин для благоприличия... Но иподиакону не позволительно отлучать ни чтеца, ни певца, ни диакониссу, ни клирика, ни мирянина, ибо они суть служители диаконов (ὑπέρται γάρ ἐστὶν διακόνων)». Пост. Апост. VIII.30: «...Начатки принадлежат священникам и служащим им диаконам (ἐξυπηρετουμένων διακόνων)». Пост. Апост. II.28.6: «...Что желают дать, то пусть предлагают через служителей (τῶν ὑπηρετῶν), т.е. диаконов (διὰ τῶν διακόνων)». Стоит отметить, что аналогичное словоупотребление присутствует и в писаниях Апостольских мужей. Например, Игнат. Филад. XI: «Что касается до Филона, диакона из Киликии, мужа за-свидетельствованного, который и теперь служит (ὑπηρετεῖ) мне

(ὑπηρετεῖ) мне ради Бога вместе с Реем Агафоподом»; а также Игнат. Тралл. II: «...Они (диаконы – Ю.К.) не служители (διάκονοι) яств и питий, но слуги (ὑπηρεταί) Церкви Божией».

3. Через глаголы ὑπηρετέω, ἐξυπηρετέω обозначается и просто диаконское служение: Пост. Апост. III.19: «И диаконы да будут во всем беспорочны, как епископы, но только деятельнейшими, ответственны сонму Церкви, чтобы могли служить немощным (ἵνα καὶ τοῖς ἀδυνατοῖς ὑπηρετεῖσθαι), как делали непостыдные... А служить нуждающимся (ὑπηρετεῖσθαι τοῖς δεομένοις) да не стыдятся они... Итак, служите с любовью (ἐξυπηρετεῖτε οὖν ἀγαπητικῶς), не ропща и не производя несогласий, ибо не для человека делаете это, но для Бога, и на служение (τῆς διακονίας) получите от Него в день посещения вашего награду».

4. Единственный раз причастием от глагола ὑπηρετέω выражается совершение Евхаристии: «После же молитвы одни из диаконов пусть занимаются приношением Евхаристическим, служа телу Господню (ὑπηρετούμενοι τῷ τοῦ κυρίου σώματι) со страхом» (Пост. Апост. II.57.15).

5. Дважды глаголом ὑπηρετέω обозначается служение Христа: «Свят же и едиnorodный Сын Твой, Господь наш и Бог, Иисус Христос, Иже во всех послужив Тебе (εἰς πάντα ὑπηρετησάμενός σοι), Богу и Отцу Своему...» (Пост. Апост. VIII.12.28); «Его-то мы и проповедуем вам и благовествуем, – Бога Слово, служащего Богу и Отцу Своему в творении всего (ὑπηρετούμενον τῷ πατρὶ εἰς τὴν τῶν ὄλων δημιουργίαν)» (Пост. Апост. V.20.13).

Термин θρησκεία

В Постановлениях Апостольских существительное θρησκεία употребляется для обозначения как христианской, так и нехристианской религии.

1. Обозначение нехристианской религии: «А о слугах скажем мы более, кроме того, что раб должен оказывать благорасположение господину со страхом Божиим, хотя бы он был нечестивый или злой, но отнюдь не согласие в служении (κατὰ τὴν θρησκείαν)» (Пост. Апост. IV.12.1)⁸. Пост Апост. VI.10.1: «А целью у всех их (лжеапостолов – Ю.К.) было равно одно и тоже безбожие – хулить Бога

⁸ Ср.: 1 Птр. 2:18; Еф. 6:5.

Вседержителя, утверждая, что ...должно наслаждаться одним удовольствием и уклоняться во всякое служение (θηρησκείαν) без разбору». Пост. Апост. VIII.46.5: «Моисей, служитель Божий, ...когда постановлял божественное законоположение, то разграничил, что должно быть совершаемо первосвященником, что священниками, что левитами, каждому назначив собственную и приличную его служению службу (τῇ λειτουργίᾳ θηρησκείαν)».

2. В отношении христианской религии. Пост. Апост. VI.23.5: «Он ...повелел избирать в священство наилучших из всякого народа и рассматривать не пороки на теле, но служение (веру) и жизнь (θηρησκείαν καὶ βίους)».

3. Единственный раз словом θηρησκεία обозначается христианское культовое служение: «Но научившись последованию дел от Господа, мы назначили епископам свойственное священству, а диаконам – свойственное служению при тех и других (πρὸς ἀμφότερους διακονίας), чтобы относящееся к богоугождению (τῆς θηρησκείας) совершалось чисто» (Пост. Апост. VIII.46.10).

Термины θεραπεύω, θεραπείων

Надо отметить, что словоупотребление θεραπεύω, θεραπείων присутствует еще в Септуагинте, правда часто и глагол θεραπεύω, и существительное θεραπείων используются в прямом светском значении «заботиться, служить царю или какому-либо человеку»⁹. Встречается также и употребление глагола θεραπεύω в сакральном значении. Иуд. 11:17: «Ибо раба твоя благочестива и день и ночь служит (θεραπεύει) Богу Небесному». Прем. 18:21: «...Он противостоял гневу и положил конец бедствию, показав тем, что он слуга (θεράπων) Твой». Сир. 35:16: «Служащий Богу будет принят с благоволением и молитва его дойдет до облаков». В Иер. 25:6 тот же глагол используется в значении «служить иным богам».

В культовом значении причастие от глагола θεραπεύω применяется в Тов. 1:7: «Десятину всех произведений давал сынам Левитским, служащим в Иерусалиме», а также в Езд. I. 1:4.

Присутствует значение «служить Премудрости» в Прем. 10:9: «Премудрость же спасла от бед служащих (θεραπεύοντας) ей».

⁹ См., например, Исх. 33:11, где оно применяется к Иисусу Навину, а также Есф. 1:1; Иуд. 2:2, 10:20, 23.

Начиная с Нового Завета существительное $\theta\epsilon\rho\acute{\alpha}\tau\omega\nu$ применимо к великим ветхозаветным праведникам, главным образом к Моисею. Евр. 3:5: «И Моисей верен во всем доме Его как служитель ($\theta\epsilon\rho\acute{\alpha}\tau\omega\nu$), для засвидетельствования того, что надлежало воздвигать». Аналогичное словоупотребление зафиксировано также в Писаниях Апостольских мужей, в частности, в Послании Варнавы и Первом Послании Климента Римского: «Моисей принял его (завет – Ю.К.), как служитель (*famulus*, $\theta\epsilon\rho\acute{\alpha}\tau\omega\nu$), а нам Сам Господь дал право быть народом наследия, и пострадал за нас» (Варн. XIV); «блаженный Моисей, вверенный служитель ($\theta\epsilon\rho\acute{\alpha}\tau\omega\nu$) во всем доме Божиим» (Клим. Рим. Кор. I. XVIII).

В Постановлениях Апостольских наиболее частым употреблением слова $\theta\epsilon\rho\acute{\alpha}\tau\omega\nu$ является обозначение ветхозаветных праведников, служителей Божиих: Моисея, Иова, Аарона и др. Например, в Пост. Апост. VIII.5.4: «...Иже Авраама и прочия патриархи с верными Твоими служителями ($\theta\epsilon\rho\acute{\alpha}\tau\omega\nu\sigma\iota\nu$) Моисеем и Аароном и Елеазаром и Финеесом явивый». Пост Апост. VIII.12.25: «...Явив раба Твоего ($\theta\epsilon\rho\alpha\tau\acute{\omega}\nu\tau\alpha$) Моисея»; VIII.12.23: «...Иже многострадальна служителя Твоего ($\theta\epsilon\rho\alpha\tau\acute{\omega}\nu\tau\alpha \sigma\upsilon\upsilon$) Иова победителя началозлобивого змия показавый». Похоже, что в целом это слово и в дальнейшем будет традиционным обозначением ветхозаветных праведников в христианской литературе. Так у Евсевия Памфила тем же термином опять обозначаются Моисей и Аарон (I.2.4 (25), I.4. 13 (69), IX.4 23 (7), IX.9.8 (45)).

Единственный раз в Постановлениях Апостольских этим словом обозначаются служители нечестивых культов (II.28.8): «Если даже служители бесов ($\tau\acute{\omega}\nu \delta\alpha\iota\mu\acute{\omega}\nu\omega\nu \theta\epsilon\rho\alpha\tau\epsilon\upsilon\tau\acute{\alpha}\iota$) в скверных, гнусных и нечистых мерзостях своих доселе подражают священному».

Кроме того, в Пост Апост. III.19.1 глагол $\theta\epsilon\rho\alpha\tau\epsilon\acute{\upsilon}\omega$ применяется в адрес диакониссы, которая должна «стараться пещись о женщинах» ($\tau\acute{\alpha}\varsigma \gamma\upsilon\upsilon\alpha\iota\kappa\alpha\varsigma \sigma\pi\omicron\upsilon\delta\acute{\alpha}\zeta\omicron\upsilon\sigma\tau\alpha \theta\epsilon\rho\alpha\tau\epsilon\acute{\upsilon}\epsilon\iota\nu$). Здесь, конечно, это слово используется в прямом значении «заботиться», но применяется к обязанностям диаконисс.

* * *

Из вышесказанного мы можем сделать следующие выводы: по мере развития христианской традиции слова, обозначающие «служение» в общем значении, используются все реже и реже. Освободившуюся семантическую нишу глагола $\delta\iota\alpha\kappa\omicron\nu\acute{\epsilon}\omega$ в текстах II в. мог бы занять глагол $\delta\omicron\upsilon\lambda\epsilon\acute{\upsilon}\omega$, но, по крайней мере в Постановлениях

Апостольских, использование как этого, так и других глаголов в общем значении единично.

Ко времени окончательного формирования Постановлений слова *διακοίᾱ*, *διάκονος*, *διακονέω* прочно занимают позицию технических терминов и применяются для обозначения иерархической должности диакона и диаконского служения. С точки зрения источниковедения анализ прочего словоупотребления терминологии *διακοίᾱ*, *διάκονος*, *διακονέω* в Постановлениях Апостольских может способствовать не только подтверждению факта сложносоставности этого текста, но и позволит вычленить хотя бы некоторые фрагменты, восходящие к конкретным текстам Нового Завета и другим памятникам ранней христианской литературы. На основании текста Постановлений Апостольских видно, что с развитием христианского культа все более прочные позиции приобретает терминология *λειτουργία*, *λειτουργεῖω* и, реже, *λατρεύω*, *λατρεία* как обозначение установившегося христианского культового Богослужения и служения епископов.

В качестве общего замечания можно отметить, что со временем, уже к III в., употребление лексики «служения» в христианской литературе сокращается: все более употребительными для обозначения принадлежности христианской религии становятся слова: *πίστις* (вера), *πιστεύω* (верить), *προσκύνησις* (поклонение), *προσκυνέω* (поклоняться), *ὁμολογία* (исповедание), *ὁμολογέω* (исповедовать), *θρησκεία* (религия), *θρησκεύω* (служить, быть религиозным, соблюдать религиозные обряды) и др.

МИХАЙЛОВА (СМИРНОВА) Т.А. (МОСКВА)

АНТИЧНЫЕ АЛЛЮЗИИ И ПРОБЛЕМА ИНТЕРТЕКСТА

Темой данной статьи является один весьма своеобразный пример рецепции античности в культуре XX века. Начиная разговор о рецепции, мы вступаем на путь очень непростой. В каждой области она может существовать по-своему, и, значит, рецепция в литературе действует совсем на других принципах, чем, например, в архитектуре или музыке. Однако нечто общее все же есть. Понятие «рецепция» в некоторой степени можно отнести к той области терминов, которые рассматриваются в контексте теории *интертекста*. Сюда также относятся такие категории, как цитата, заимствование, реминисценция, аллюзия, пародия и др. Каждая из них имеет свое определение и сферу применения, наиболее же общим является понятие «интертекст».

Термин этот, появившийся в конце 60-х гг., был изобретен французской исследовательницей Юлией Кристевой¹ и позднее развит другим французским ученым Роланом Бартом². За последние сорок лет на эту тему было написано множество трудов, где были сделаны попытки дать как можно более точное определение интертекста и проследить это явление на практике. Оставляя в стороне многие терминологические трудности и разногласия, мы имеем на данный момент два основных подхода к пониманию интертекста, причем довольно различных. Так, следуя концепции Р. Барта, «каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на разных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат»³. Такой подход, достаточно затемняющий ясность понятия и в каком-то смысле ставящий под вопрос даже его необходимость, постепенно уступил место другому пониманию. Французский литературовед Жерар Женетт, давший иное определение интертекста, описал его как «отношение соприсутствия меж-

¹ См., например: *Kristeva J. Semeiotikē. Recherches pour une sémanalyse.* P., 1969.

² См., например, в его статьях в сборнике: *Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика.* М., 1989.

³ *Барт Р. Указ. соч. С. 418.*

ду двумя или несколькими текстами, то есть <...> реальное присутствие одного текста в другом»⁴.

В контексте данного небольшого исследования мы не будем вдаваться в теоретические рассуждения об интертексте глубоко и остановим свой выбор на втором определении, которое к тому же является сейчас более популярным. Для того, чтобы применить теорию интертекста к нашему случаю, необходимо хотя бы еще немного привлечь теорию текста в целом. В настоящее время существует множество определений этого понятия. В любом случае, можно констатировать, что в эпоху постмодернизма термин «текст» вышел далеко за пределы литературы и языкознания: стало возможным говорить о тексте кинематографа, тексте архитектуры и т.п. Как писал Д.С. Лихачев, «важно, однако, следующее: он [текст] результат сознательного к нему отношения»⁵. Таким образом, понимая термин «текст» в широком смысле и предпочитая учитывать критерий его сознательности, мы в результате получаем возможность применить понятие «интертекст» к случаю, о котором пойдет речь.

В культуре XX в. мы знаем немало примеров «использования» античности⁶. Так в архитектуре до настоящего времени с некоторыми видоизменениями используется система ордеров, разработанная еще в древности. Более конкретным примером может стать достаточно известный случай использования античной скульптуры в советском искусстве: а именно, заимствование скульптором В.И. Мухиной при создании памятника «Рабочий и колхозница»⁷ античной скульптурной группы «Тираноубийцы» («Гармодий и Аристоклит»), созданной около 477 г. до н.э. Критием и Несиотом. В мемуарах Эйгеля, секретаря главного архитектора павильона Иофана, сохранились прямые свидетельства о данном заимствовании. Приводится дословно диалог с архитектором, где тот напря-

⁴ Genette G. Palimpsestes. P., 1982. P. 7.

⁵ Лихачев Д.С. Текстология. М., 2006. С. 14.

⁶ Речь идет не о копировании античных образцов, иллюстрациях к античным сюжетам, непосредственных экранизациях и т.п. В данном случае предметом исследования является косвенное, «вторичное» использование образов, моделей, сюжетов; обыгрывание их, цитирование, переосмысление, то есть все то, что как раз и относится к сфере интертекста.

⁷ Скульптура была создана в 1937 г. для оформления советского павильона на Всемирной выставке искусств и техники в Париже.

мую сообщает об идее использовать древнюю скульптуру, а также объясняет свой выбор идеологическим сходством⁸.

Много таких примеров и в литературе. Античные реминисценции, аллюзии, цитации, включаясь в современное произведение, будучи опознанными, обогащают его, придают дополнительный смысл, объясняют что-то. Так, например, использование древнегреческого имени «Аластор» для одного из персонажей детского романа о Гарри Поттере Дж. Роулинг играет не столь значительную, но, тем не менее, конкретную роль. В греческом языке слово ἀλάστωρ означает «мститель, каратель за преступление», а в мифологии это имя принадлежит демону, мучающему, в частности, Клитемнестру (*Aesch. Ag. 1501*)⁹, горящую жаждой мести. Появление данного имени в романе с самого начала задает тему долгожданного мщения, что может подсказать читателю дальнейшие события. Деталь «играет» только в случае узнавания, хотя произведение вполне сохраняет свою целостность и без нее.

В качестве другого примера античной референции, теперь уже в литературе, можно привести один эпизод из романа В. Набокова «Защита Лужина». Главный герой шахматист Лужин собирается уехать с курорта, где у него начинается роман с молодой женщиной. По дороге с ним происходит необычный случай: «...Он вдруг заметил, что мелкими шажками следует за ним белокурый мальчик, с пустой бутылкой из-под пива в руке. <...> Лужин остановился. Мальчик остановился тоже. Лужин двинулся, мальчик тоже двинулся. Тогда он рассердился и, обернувшись, погрозил тростью. <...> Мальчик прыгнул на месте и отбежал. Лужин <...> продолжал свой путь. Внезапно камушек, очень ловко пущенный, попал ему в левую лопатку. Он ахнул и обернулся. Никого. <...> «Я его убью», – громко сказал он <...> и пошел быстрее, стараясь вилять, как это делают люди, боящиеся выстрела в спину...»¹⁰.

После этого, отменив свое решение уехать, Лужин возвращается в гостиницу и немедленно делает девушке предложение. Этот странный эпизод становится значительно более понятным, если «прочитать» его как конкретное воплощение мифологического сю-

⁸ См., например: *Костина О.В.* Скульптура и время. М. 1987. С. 53.

⁹ ὁ παλαιὸς δριμύς ἀλάστωρ – «древний злобный мститель».

¹⁰ Цит. по изд.: *Набоков В.В.* Защита Лужина: романы, рассказы. Москва; Харьков, 1999. С. 71.

жета об Амуре. Формально все необходимые элементы его образа сохранены, хотя и в несколько измененном виде. Белокурый мальчик, странным образом исчезающий в конце, вызывает у героя внезапную любовь и решимость, попав ему в сердце стрелой. Оказавшись в бытовой обстановке, образ меняется, хотя и остается узнаваемым. В сердце попадают не спереди, а сзади, «в левую лопатку», стрела заменена камешком, а колчан – пустой бутылкой. Такое прочтение делает понятным внезапное решение героя. В этом и есть смысл аллюзии.

«Суть аллюзии в том, чтобы дать возможность уловить наличие связи между вещью, о которой говорят, с другой вещью, о которой не говорят ничего, но представление о которой возникает благодаря этой связи»¹¹. В процитированной сцене романа В. Набокова исходной точкой является не литературное произведение, а миф, но «подобно тому как цитироваться могут не одни только литературные сочинения, так и с помощью аллюзии можно отсылать читателя к истории, мифологии, общественному мнению или к общепринятым обычаям»¹². Перед нами очередной случай того, как прочтение одного текста через другой «текст» делает первый понятнее и глубже. Однако точный смысл аллюзии, реминисценции или, например, стилизации далеко не всегда остается ясен. В каждом отдельном случае читатель должен самостоятельно принять решение относительно цели такого употребления.

Сравнение, о котором пойдет речь, может показаться комичным, но, тем не менее, является, как кажется, довольно любопытным образцом заимствования античных элементов современной культурой. Исходный образ, перевоплотившийся затем столь необычно, – это знаменитая фреска из Помпей, предположительно изображающая Сапфо, поэтессу VII до н.э. Этот достаточно небольшой портрет – всего 29 см в диаметре – датируется 50-ми годами I в. н.э. В настоящее время он хранится в Национальном археологическом музее Неаполя и является одним из самых знаменитых портретных изображений античности, многократно повторяемым в оформлении учебников и книг. Если использование портрета в таком контексте достаточно традиционно и часто вполне объяснимо,

¹¹ Fontanier P. *Les Figures du discours*. P., 1977. Цит. по: Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М., 2008. С. 91.

¹² Там же.

то появление его, хотя и неизбежно измененного, в оформлении упаковки «Хрустящего картофеля» гораздо менее «естественно» и понятно. Изображение, известное в рекламных описаниях как «Девочка», было создано еще в 60-е гг. и используется до сих пор. Сходство, которое из-за разницы контекстов остается незамеченным, при непосредственном сопоставлении не может не стать очевидным.

Перечислим, тем не менее, основные черты.

1. Самое общее сходство относится к форме картин. В обоих случаях они выполнены в форме круга.

2. Предмет изображения – молодая женщина или девушка. Это единственный персонаж, которого мы видим.

3. Лаконичность портрета подчеркнута однотонным фоном без лишних деталей.

4. Изображение героини дано не полностью. Перед нами только ее голова, расположенная анфас, а также плечи и руки.

5. Руки видны не полностью: изображены только кисти. Правая видна больше, чем левая, от которой показаны только пальцы.

6. В правой руке героиня держит некий предмет, который подносит ко рту. На фреске это палочка для письма, на упаковке – еда.

7. В левой руке, опущенной ниже, находится некий прямоугольный предмет: таблички для письма или пакет.

8. У обеих героинь короткая стрижка. Волосы только закрывают уши, но не более.

9. Волосы не убраны в прическу, но закреплены неким украшением. На фреске – это «сеточка», основу которой составляет обрuch или лента яркого цвета. На современной девушке – это ободок, тоже светлый.

10. Нечто общее наблюдается и в одежде. Она темного цвета и «двусоставна». На поэтессе мы видим внутреннюю одежду и накинутый сверху плащ. На девочке также темная полосатая одежда, которая видна в центре, плечи же затемнены как бы другим элементом.

11. К сходствам можно также отнести и расположение потенциального источника света. На лице обеих героинь линия правой брови неразрывно переходит в тень вдоль линии носа, что предполагает положение источника света с левой стороны.

12. И, наконец, можно выделить еще одно своеобразное сходство, вернее, параллель. Фреска с поэтессой – произведение заведомо очень древнее. «Старина» же современной картинке достигается ее монохромным решением, стилизацией под старость, причем здесь интересно отметить, что фреска напротив является очень яркой.

Итак, перечисление сходств, как кажется, убеждает, и теперь мы вправе задаться вопросом о цели этой *игры*. Как обогащает нас двойное прочтение? К какой категории интертекста можно его отнести? Вопрос об определении некоего глубинного смысла такого наложения, пожалуй, не имеет однозначного ответа. Если интертекст предполагает влияние одного *текста* на другой, то в данном случае античная фреска интерпретации современного рисунка не слишком *помогает*. По-видимому, вектор здесь направлен в другую сторону. Вероятнее всего, мы имеем тут дело с пародией или, точнее, с бурлескной травестией, с той разницей, что в первом случае снижается содержание (сюжет), но остается нетронутым форма (стиль), а во втором случае снижен стиль при сохраненном содержании¹³. Разумеется, по-настоящему говорить о снижении здесь не приходится. Да и насколько тут вообще возможно «снижение»? В какой-то степени можно согласиться с Н.А. Фатеевой, еще одной исследовательницей интертекста, которая отмечает, что «на современном этапе, в эпоху постмодернизма, когда доминирует принцип “нонселекции” и “отсутствия иерархии”, даже трудно говорить о “низведении”, релевантном для эпохи модернизма и исторического авангарда»¹⁴. Античный портрет, конечно, не низводится до комизма. Ирония – только часть пародийного (или травестийного) приема. Создание сатиры, в каком-то смысле, указывает на уважение к классическому образцу, во всяком случае, на признание его авторитета. Иначе не было бы и смысла пародировать. Как пишет французская исследовательница Н. Пьеге-Гро, «когда же ощущение этого величия притупляется, бурлескная травестия становится малоинтересной, и читатель перестает воспринимать ее комизм, бес-

¹³ Применительно к античности примером пародии может стать «Война мышей и лягушек», а травести – переложения «Энеиды» Поля Скаррона или И.П. Котляревского.

¹⁴ Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М., 2007. С. 7.

церемонность, сатирическую направленность»¹⁵. Сейчас опознать оригинал могут очень немногие. Без узнавания оригинала пародия не имеет смысла, хотя в данном случае мы можем предположить, что художник 60-х гг. и не рассчитывал на массовое «опознание».

Остается и еще один вариант, менее предпочтительный. Одним из видов интертекста является и плагиат, проще всего определяемый в применении к тексту в исконном смысле слова как «незаквыченная цитата». Исключив версию о дополнительных смыслах, коннотациях и расширении зрительского восприятия, мы можем предположить и простое использование образованным художником классического образца, «проверенного временем». Заимствование работы античного мастера, нашедшего столь удачное сочетание содержания, формы, ракурса и деталей, оказалось оправданным и, возможно, продлило и продлевает жизнь рисунку, сделанному уже в XX в.

¹⁵ Пьеге-Гро Н. Указ. соч. С. 103.

Иллюстрации к статье
Т. Михайловой (Смирновой)

Рис. 1. Поэтесса («Сапфо»)
Фреска из Помпей.
Середина I в. н.э.

Рис. 2. Девушка.
Фреска из Помпей.

Рис. 3. Паквий Прокул
и его жена.
Фреска из Помпей.
Первая половина I в. н.э.

Рис. 4. Современная
вариация на античную тему.

АЛИПОВ П.А. (МОСКВА)

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ М. ВЕСОМ
ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ М.И. РОСТОВЦЕВА:
ОПЫТ НАПИСАНИЯ «ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ»**

Конец 80-х и начало 90-х гг. XX в. ознаменовались настоящим взрывом интереса к личности и творчеству выдающегося русского антиковеда М.И. Ростовцева в зарубежной историографии. Этот интерес оказался в прямом смысле слова спровоцирован серией публикаций голландского историка науки Маринуса Веса. Его работы и сразу появившиеся на них отзывы¹, составили отдельный пласт в изучении творческого наследия одного из крупнейших отечественных историков античности. Однако до сих пор ни критики высказанной им точки зрения, ни ее сторонники не обращали должного внимания на систему теоретико-методологических воззрений, лежащих в фундаменте его исследований и служащих основанием для тех широких выводов касательно творческого наследия М.И. Ростовцева, которые стали неотъемлемой частью историографических дискуссий, посвященных вкладу последнего в мировое антиковедение.

Пожалуй, единственным, кто некоторым образом коснулся указанного аспекта исследований голландского ученого, оказался Б.Д. Шоу, который высказал в статье, представляющей собой развернутый ответ на монографию М. Веса, определенный скептицизм в отношении употребленного тем просопографического метода (в данном контексте синонимичного сетевому анализу). По его мнению, попытка М. Веса выстроить все личные связи русского антиковеда одна за другой не привела к положительному результату, так как за частностями было потеряно целое – принадлежность М.И. Ростовцева к правому крылу кадетской партии². Именно сис-

¹ Например: *Shaw B.D. Under Russian eyes (Marinus A. Wes. Michael Rostovtzeff, Historian in Exile: Russian Roots in an American Context; Michel I. Rostovtzeff. Histoire Économique et Social de l'Empire Romain) // JRS. 1992. Vol. 82. P. 216–228; Аветисян К. А., Бутюков К. О. Рец.: А. Marinus Wes. Michael Rostovtzeff. Historian in Exile: Russian Roots in an American Context (Historia Einzelschriften LXV). Stuttgart: Steiner, 1990 // ВДИ. 1994. № 3. С. 246–249.* Необходимо также отметить, что в дальнейшем практически ни одна историографическая работа, посвященная М.И. Ростовцеву, не обходилась без ссылки на труды М. Веса.

² *Shaw B. D. Op. cit. P. 223–224.*

тема взглядов, взращенная в ее недрах, согласно Б.Д. Шоу, в последующем творчестве Михаила Ивановича оказалась гораздо более значимой, чем любой американский контекст³. В отечественной научной литературе в адрес М. Веса также был высказан ряд замечаний, однако, как было отмечено выше, они не касались методологической стороны его работ. Так, в рецензии К.А. Аветисяна и К.О. Битюкова в качестве критических замечаний можно обнаружить лишь указания на «мозаичность» труда голландского исследователя, не позволяющую ему создать цельный образ М.И. Ростовцева⁴. Концептуальная же часть монографии М. Веса ими приемлется без каких-либо существенных возражений⁵. Авторы грандиозного коллективного труда под названием «Скифский роман», удостоенного в свое время Государственной премии Российской Федерации, отдав должное вкладу работ голландского исследователя в процесс изучения творческого наследия М.И. Ростовцева, вынуждены были все же констатировать излишнюю спорадичность использования им имеющихся на сегодняшний день архивных документов⁶, а также наличие отдельных искажений смысла текстов личного происхождения, принадлежащих перу русского антиковеда, вызванных недостаточным знанием М. Весом русского языка и возможными трудностями прочтения почерка М.И. Ростовцева⁷. К тому же ими были выявлены и фактические недочеты, имеющие место в исследованиях голландского историка, о которых мы упомянем ниже. И, тем не менее, несмотря на столь скрупулезный анализ этих работ, авторы «Скифского романа» также оставили за скобками разбор их теоретико-методологической составляющей.

Между тем нельзя не признать тот очевидный факт, что своеобразный прорыв, осуществленный М. Весом и привлекавший столь пристальное внимание со стороны научного сообщества историков-антиковедов, оказался возможным, исключительно благодаря но-

³ *Shaw B. D. Op. cit. P. 225.*

⁴ *Аветисян К.А., Битюков К.О. Указ. соч. С. 248–249.*

⁵ Там же. С. 247.

⁶ См., напр.: *Бонгард-Левин Г.М. Архивы США и Европы // Скифский роман / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 39; Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В. Письма М.И. Ростовцева А.В. Тырковой-Вильямс и Г. Вильямсу // Там же. С. 461.*

⁷ *Бауэрсок Г., Бонгард-Левин Г.М. М.И. Ростовцев и Гарвард // Там же. С. 192, 199; Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В. Письма М.И. Ростовцева Г.В. Вернадскому // Там же. С. 517.*

вым методологическим изысканиям, которые были введены автором в свои исследования. Его работы написаны в русле молодого направления в исторической науке – так называемой «персональной истории», для которой характерен ряд новых методов: сетевой анализ (то есть анализ межличностных отношений), «психологический микроскоп», интеллектуальное конструирование, замещение биографии индивида биографией первичной группы⁸. Данный подход определил как достоинства, так и недостатки сочинений М. Веса, мимо которых мы не имеем права пройти.

Сначала в одном из немецких изданий появилась обстоятельная статья голландского автора⁹, в которой была предпринята попытка выявить социальные корни М.И. Ростовцева. Автор прослеживает происхождение всех членов его семьи, начиная с деда, что, по мнению М. Веса, должно пролить свет на то, как и в каких условиях формировалось мировоззрение крупнейшего русского историка-антиковеда, впоследствии преломившееся в форме тех или иных идей уже в сугубо научных его трудах. А поскольку данных подобного рода зачастую недостаточно и психологические портреты родственников М.И. Ростовцева на их основе создать оказывается весьма проблематично, М. Вес использовал свой излюбленный метод, а именно замещение биографии индивида биографией первичной группы. Так, в частности, пытаясь восстановить впечатления деда русского ученого, Якова Павловича, от обучения в Харьковском университете (основанном в 1804 г.), где тот якобы был студентом первого набора (хотя этот факт опроверг петербургский историк В.Ю. Зуев, доказав, что Я.П. Ростовцев учился там пятью годами позднее¹⁰), он признается, что личных воспоминаний Яков Павлович не оставил. Но это несколько не смущает М. Веса, ведь есть воспоминания Сергея Аксакова (отца братьев-славянофилов), который учился в Казанском университете, также основанном в 1804 г. Впечатления от учебы С. Аксакова и приводятся в статье. По мнению исследователя, они почему-то должны обязательным

⁸ Подробнее об этом направлении в исторической науке и о его методах см.: *Ретина Л.П.* От «истории одной жизни» к «персональной истории» // *История через личность: Историческая биография сегодня.* М., 2005. С. 55–74.

⁹ *Wes M.A.* The Russian Background of the Young Michael Rostovtzeff // *Historia.* 1988. Bd. 37. Hft. 2. P. 207–221.

¹⁰ *Зуев В.Ю.* М.И. Ростовцев. Годы в России. Биографическая хроника // *Скифский роман.* С. 77.

образом отражать настроения тогдашней молодежи, поступавшей в университеты¹¹. Однако, как видится нам, это нельзя признать безусловной истиной, поскольку степень мотивированности на учебу у молодых людей в любом случае разнится. Соответственно, и настроения у них будут разные.

Точно так же М. Вес в статье пытается изобразить впечатления самого М.И. Ростовцева от обучения в гимназии, мир которой в интерпретации голландского исследователя – это холодный мир взаимной ненависти и презрения. В подтверждение своего мнения он приводит пространную цитату из «Окаянных дней» И.А. Бунина, где тот в мрачных тонах описывает обучение в гимназии главного героя романа, Арсеньева. Опять-таки все это должно каким-то мистическим образом быть перенесено на М.И. Ростовцева. Мотивация следующая: И.А. Бунин родился тоже в 1870 г., издал свой роман в 1930 г. и вообще был близок к М.И. Ростовцеву¹². Как нам кажется, подобные доводы нельзя считать удовлетворительными. Приведенные у этих двух людей сведения никак не могут сами по себе свидетельствовать о том, что ощущения от обучения в гимназии должны обязательно совпадать. К тому же надо учитывать и то обстоятельство, что «Окаянные дни» – это все-таки не автобиография И.А. Бунина, а художественное произведение, где краски могут быть намеренно сгущены. Надо понимать, что не все подростки мотивированы в равной степени: то же со всей уверенностью можно сказать и об И.А. Бунине и М.И. Ростовцеве. Следовательно, сам метод, используемый М. Весом так широко, вызывает ряд вопросов в правомерности его использования, а выводы, полученные благодаря ему, необходимо поставить под сомнение.

В этом смысле гораздо более правдоподобны попытки М. Веса расположить семью М.И. Ростовцева на социальной шкале российского общества XIX в. На протяжении всей работы исследователь обращает особое внимание на то, что эти люди, будучи выходцами из купечества и, благодаря своему образованию, примкнувшие к сословию интеллигенции, добились высокого положения исключительно своими собственными талантами (все посты, занимавшиеся когда-либо дедом и отцом М.И. Ростовцева, перечисляются здесь с

¹¹Wes M.A. The Russian Background... P. 208.

¹² Ibid. P. 215–217.

предельной скрупулезностью), то есть, по сути, явились своего рода российскими «*selfmademan*’ами».

Совершенно очевидно, что данные сведения для российского читателя большой сенсации в себе не несут. Однако важно понимать, что западные ученые с этой информацией были незнакомы. Для них вообще само понятие «интеллигенция» представляет собой загадку, поскольку оно отражает сугубо российские реалии. Достаточно вспомнить хотя бы то, что злейший критик М.И. Ростовцева Хью Ласт начинал посвященный ему некролог¹³ с событий, произошедших уже после эмиграции ученого из России. Для большинства зарубежных историков, занимающихся изучением творчества Михаила Ивановича, рассуждения М. Веса оказываются чрезвычайно ценны, поскольку проливают свет на тот период жизни русского антиковеда, который до сих пор был им попросту недоступен вследствие языкового барьера, в принципе отделяющего их от адекватного понимания российской действительности на разных этапах истории нашего государства. Безусловно, после работ М. Веса (не только этой, но и последующей, о которой речь впереди) личность М.И. Ростовцева предстала для западных специалистов в совершенно ином свете: он перестал быть для них человеком без прошлого, каковым являлся до сих пор. Именно в этом нам видится одна из главнейших заслуг голландского исследователя.

Однако было бы несправедливо думать, что М. Веса интересует прошлое М.И. Ростовцева само по себе. Его работы не имеют цели проследить перипетии жизненного пути крупного русского ученого. Скорее, наоборот, в отдельных эпизодах его биографии он пытается найти ключ к пониманию концептуальной части его творчества: М. Вес уверен в том, что влияние внешних факторов на интеллектуальную деятельность человека является определяющим. В рассматриваемой нами статье он пока лишь отрывочно увязывает социальный контекст эпохи, в которой творил М.И. Ростовцев, с картиной жизни Рима имперского периода. Указанная тенденция проявится в полной мере через несколько лет в его монографии. Но уже здесь он утверждает следующее. В «Социально-экономической истории Римской империи»¹⁴ (далее – SEHRE), одном из

¹³ *Last H.M.* Obituary. Professor M.I. Rostovtzeff // JRS. 1953. Vol. 43. P. 133–134.

¹⁴ *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1926.

главных трудов М.И. Ростовцева, эпоха Флавиев и Антонинов описана как «просвещенная монархия», где императора поддерживала капиталистическая, урбанизированная буржуазия провинций - лидирующий в то время во всех отношениях класс. Это эпоха триумфа образованных сил общества, живших понятиями «дисциплины, долга, служения государству», имевшими для М.И. Ростовцева однозначно позитивную коннотацию. Однако, по мнению М. Веса, все это больше говорит о самом ученом, его семье и русской «буржуазии» XIX в. в целом, чем о городской элите Римской империи. Для первых личные качества всегда были важнее рождения и достатка при назначении на административные посты, и эти взгляды М.И. Ростовцев транслировал на II в.¹⁵ Негативным сторонам древнеримской жизни русский ученый опять-таки находил параллели в современности: в частности, согласно трактовке М. Веса, он полагал, что там, так же как и в России при «старом режиме», привилегированные классы хорошо знали, как избежать налогового гнета и переложить его на плечи крестьян¹⁶. Указанные примеры являются основой статьи, хотя им уделено не так много места на бумаге: еще раз подчеркнем, что попытки М. Веса очертить социальную структуру российского общества второй половины XIX в. направлены именно на то, чтобы показать ее сходство с тем, с чем неискушенный в его глазах читатель сталкивается в работах М.И. Ростовцева и, прежде всего, в SEHRE.

Спустя всего два года в печати появилась целая монография М. Веса¹⁷, в которой идеи, высказанные в статье 1988 г., получают свое дальнейшее развитие. Здесь принцип «вся история есть история современности» (*all history is contemporary history*) возводится в ранг основного теоретического постулата исследования и проводится М. Весом с особой настойчивостью через всю книгу, повторяясь рефреном несколько раз¹⁸. Уже на первых страницах монографии, в специальной нулевой главе, он утверждает, что каждый историк является заложником своего времени и М.И. Ростовцев в данном отношении исключения не составляет. Как отмечает

¹⁵ См.: Wes M.A. The Russian Background... P. 212.

¹⁶ Ibid. P. 212–213.

¹⁷ Wes M.A. Michael Rostovtzeff, Historian in Exile: Russian Roots in an American Context. Stuttgart, 1990.

¹⁸ Ibid. P. XXII, 61.

М. Вес, русский ученый не оставил после себя автобиографии, вместо нее он написал «Социально-экономическую историю Римской империи», и нет такой книги, которая бы повлияла в XX в. на интерпретацию истории Римской империи больше, чем эта. Однако его древний Рим – это «проекция Российской империи, частично такой, какой ее воспринимал Ростовцев, частично же такой, какой она должна была быть и какой она могла быть, на его взгляд, – “просвещенной монархией”»¹⁹. Параллели, как кажется, настолько очевидны, что мы запросто можем прочесть «поздняя Российская империя» вместо «ранняя Римская империя» и «Советское государство» вместо «поздняя Римская империя», чтобы в итоге получить достаточно глубокий анализ русской революции²⁰.

Соответственно, исследование оказывается направленным на реконструкцию того самого мира (в прямом и переносном смысле), в котором жил М.И. Ростовцев до своей вынужденной эмиграции²¹. Соответственно, одной из главных задач работы М. Вес полагает таковую: определить влияние, которое оказали русская революция и последовавшая за ней гражданская война на взгляды М.И. Ростовцева как историка античного мира²². Чтобы ее решить, он пытается восстановить атмосферу, наполнявшую жизнь М.И. Ростовцева в тот период, уловить, что называется, «дух времени». Поэтому большую часть монографии составляют отдельные зарисовки быта интеллигенции той поры, рассказы о нашумевших событиях, имевших так или иначе отношение к персоне самого Михаила Ивановича, иногда кратко сообщается о крупных историко-философских работах начала XX в., вызвавших широкий общественный резонанс, и т.д. Таким образом, автор пытается выстроить перед европейским и американским читателем панораму российской действительности, в которой М.И. Ростовцев формировался как ученый и общественный деятель, описать ту среду, которая интеллектуально питала выдающегося русского антиковеда. При этом важным для него является, в первую очередь, психологическое состояние изучаемого персонажа в тот или иной момент жизни, его внутренняя, духовная реакция на происходящее вокруг. Отсюда возникает не-

¹⁹ *Wes M.A. Michael Rostovtzeff, Historian in Exile... P. VIII.*

²⁰ *Ibid. P. 65.*

²¹ *Ibid.*

²² *Ibid. P. 4.*

обходимость использования уже упоминавшегося ранее метода под условным названием «психологический микроскоп», когда «увеличительное стекло» исследователя настраивается таким образом, что он уже непосредственно обращается к мыслям и даже больше к чувствам героя. Однако трудность состоит в том, что источников, имеющих в распоряжении автора монографии не всегда достаточно, чтобы провести работу подобного рода. Тогда он одновременно подключает и другой, очень им любимый, и уже испытанный в упоминавшейся статье, метод – замену биографии индивида биографией первичной группы. В результате получается, не побоимся этого определения, «адская смесь».

В качестве наиболее яркого примера достаточно привести рассуждения М. Веса о периоде жизни М.И. Ростовцева с октября 1919 г. по март 1920 г. – чрезвычайно важный отрезок времени в плане выяснения того, как и под какими впечатлениями зарождалась у русского ученого концепция, изложенная в SEHRE. От самого Михаила Ивановича сведений об этом не сохранилось. М. Вес берет заголовки из лондонской газеты «*Times*» и цитаты из дневника коллеги русского ученого Юрия Готье и выстраивает их в хронологическом порядке. Используется следующая схема: событие гражданской войны – комментарий на это событие²³. Однако совершенно очевидно, что Ю. Готье, находясь в Советской России, газету «*Times*» не читал и тем более не комментировал. Вдобавок сами цитаты приведены голландским исследователем крайне выборочно, о чем говорит масса троеточий, красноречиво свидетельствующих об оторванности цитат от основного контекста дневниковых записей. И, наконец, главное: как можно со всей уверенностью утверждать, что М.И. Ростовцева одолевали те же настроения, что и Ю. Готье? Даже если принять во внимание, что они были коллегами, работали в одном университете, принадлежали к одному социальному слою, все равно такие сугубо личные переживания не могут быть идентичными в принципе. То же можно сказать и касательно предположения автора монографии об усилении религиозных настроений М.И. Ростовцева после революции, которое основывается лишь на том факте, что его друг Георгий Вернадский, доселе убежденный атеист, после прихода к власти большевиков вернулся в

²³ Wes M.A. Michael Rostovtzeff, *Historian in Exile...* P. 46–49.

Церковь²⁴. Но ведь каждая личность, тем более интеллектуально развитая, – это, прежде всего, индивидуальность, и столь интимные духовные процессы у каждого человека протекают по-своему.

Не менее спорными выглядят замечания М. Веса о творчестве М.И. Ростовцева, основанные на непосредственном анализе произведений ученого. Так, он предлагает сравнить образ императора Августа из статьи в «Новом энциклопедическом словаре», написанной в 1911 г., с тем, как эта историческая личность подается в его же «Рождении Римской империи», опубликованной в 1918 г. По мнению М. Веса, различия в интерпретации вызваны впечатлениями от русской революции, вследствие коих Октавиан Август постепенно превратился в античного брата-близнеца Лавра Корнилова²⁵. На этом голландский исследователь не останавливается: он полагает, что образ первого римского императора в трудах М.И. Ростовцева и дальше продолжал претерпевать метаморфозы, являясь маской для совершенно разноплановых исторических деятелей. Так, к 1922 г. Август из Л. Корнилова каким-то чудом трансформируется во В.И. Ленина (речь идет о его одноименной статье «*Augustus*» в одном из изданий Висконсинского университета). В доказательство М. Вес цитирует самого Михаила Ивановича, предлагающего следующую характеристику главного персонажа работы: «Это мастер жестокого и безжалостного уничтожения своих врагов, изощренных политических комбинаций, умелых дипломатических трюков, бесстыдной политической пропаганды, с одной стороны, и строитель *Ara Pacis*, с другой». На наш взгляд, данная параллель не так очевидна, поскольку сам же М. Вес признает, что, согласно М.И. Ростовцеву, вся работа Ленина была направлена исключительно на разрушение, в то время как деятельность Августа была ни восстановлением, ни разрушением, а, скорее, адаптацией, компромиссом с массами населения, в психологии которого он отлично разбирался²⁶.

Вообще страсть голландского ученого к поиску современных аналогий в творчестве М.И. Ростовцева и убеждение в главенствующем влиянии на него внешних, вненаучных факторов безграничны. М. Вес находит параллели с окружавшей историка действи-

²⁴ Ibid. P. 62–63.

²⁵ Wes M.A. Michael Rostovtzeff, *Historian in Exile...* P. 42–43.

²⁶ Ibid. P. 61–63.

тельностью в каждой его работе. В «Рождении Римской империи» помимо Августа-Корнилова ему видятся также Катилина-Ленин, Клодий-Троцкий и Цицерон-Керенский (указанный ряд аналогий станет кочующим сюжетом в историографической литературе о русском антиковед²⁷). Границы Римской империи до варварских нашествий М. Вес сравнивает с границами России до Брест-Литовского мира²⁸. В *SENRE*, оказывается, над М.И. Ростовцевым возобладали настроения «Вех», хотя этот нашумевший сборник вышел в свет еще в 1909 г., и совершенно неясно, почему именно в 20-е гг. Михаил Иванович проникся выраженными в нем эмоциями до такой степени, что в указанном произведении у него император Диоклетиан будто бы стал античной копией все того же Ленина, а император Константин превратился в Сталина²⁹. Такое сознательное стремление М. Веса подобрать современного «прототипа» практически к каждому герою наиболее значимых работ М.И. Ростовцева нам представляется совершенно неоправданным.

Очевидно, над голландским исследователем постоянно довлела его же собственная теория («вся история есть история современности»), выдвинутая им в самом начале монографии. Она-то и привела его к полному отрицанию естественных, научных причин возникновения тех или иных концепций в творчестве русского антиковеда и попытке объяснить все, исходя единственно из внешнего контекста, когда лишь жизненные обстоятельства оказываются значимыми при разработке тех или иных вопросов. И дело не в том, что М.И. Ростовцев был чужд проведению аналогий с современностью: как справедливо отмечает М. Вес, приводя в доказательство слова Аркадия Бормана, сына Ариадны Тырковой-Вильямс (друга ученого по кадетской партии), сам Михаил Иванович в разговорах с его матерью постоянно защищал идею аналогии в развитии античности и современной эпохи³⁰. Однако, как нам кажется, даже на основании этого замечания нельзя так легко относиться к творчеству одного из крупнейших историков XX в. Следует очень осторожно подходить к его идеям и не делать скоропалительных выводов о каких-либо параллелях с другими эпохами, а если они и обнаруживаются, надо

²⁷ См., например: *Арсентьев А.* М.И. Ростовцев и его взгляд на историю гражданских войн в древнем Риме // Ростовцев М.И. Рождение Римской империи. М., 2003. С. 6.

²⁸ *Wes M.A.* Michael Rostovtzeff, Historian in Exile... P. 42–43.

²⁹ *Ibid.* P. 65.

³⁰ *Ibid.* P. 61.

раллелях с другими эпохами, а если они и обнаруживаются, надо осознать самое главное – зачем ученый это делал, из каких теоретико-методологических предпосылок исходил? К сожалению, монография М. Веса подобных вопросов не поднимает.

Тем не менее, не смотря на указанные недостатки, работы М. Веса сыграли огромную роль в деле изучения творческого наследия М.И. Ростовцева, явившись своего рода интеллектуальной провокацией, снова возбудившей в научном сообществе интерес к личности и трудам этого выдающегося ученого.